

О.В. Халлисте

НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ МОЛОДЕЖИ ЭСТОНИИ

За последние два десятилетия эстонское общество претерпело множество изменений как в социальном, так и в политическом и экономическом плане. В новой истории Эстонской республики есть и распад Советского Союза, и вступление в НАТО и Европейский Союз, и экономическое чудо и последовавший за ним экономический кризис, и апрельские беспорядки 2007 г., и недавний ввод евро. Однако в одном аспекте эстонское общество остается неизменным — в его фрагментарности, полярной разрозненности, в силу чего все перечисленные события воспринимаются обществом весьма неоднозначно. Данные социологических исследований говорят о том, что Эстония на сегодняшний день представляет собой страну двух обществ. В статье будут рассмотрены правительственные меры по преодолению сложившейся ситуации, проанализирована существующая интеграционная программа и сделан прогноз о возможностях дальнейшего развития интеграционной политики Эстонской Республики.

Ключевые слова: *интеграционная политика, русскоязычная молодежь, образование на эстонском языке обучения, идентичность, ассимиляция.*

Keywords: *integration policy, Russian-speaking youth, education in Estonian, identity, assimilation.*

С момента распада Советского Союза уже прошло почти два десятилетия, однако проблемы русскоязычного населения на постсоветском пространстве в ряде случаев так и не нашли своего разрешения. Одним из примеров наиболее острых латентных этнических конфликтов является ситуация, сложившаяся в эстонском обществе. Многие авторы указывали на скрытую дискриминацию русскоязычного населения в При-

балтике, на определенные трудности социализации людей, оказавшихся в абсолютно новых социальных условиях, что обуславливалось вполне понятными причинами, такими как кризис идентичности, расколотовое самосознание и т. п. (см., напр., Головин, Есенгараев 2003; Симонян 2006). Люди в одночасье из титульной нации стали этническим меньшинством, что повлекло за собой ряд существенных проблем адаптации к новой социальной реальности. В данных условиях стало жизненно необходимым знание языка титульной нации, а также наличие эстонского гражданства. Так, например, исследователь Л. Калев полагает, что исторически традиция гражданства в Эстонии была связана с концепцией «нации культуры». Он пишет: «Долгая изоляция страны от институтов современного гражданства, незначительный опыт взаимодействия с легальными иммигрантами и местечковые привычки также оказывают влияние на установки и политику. После восстановления независимости страны Балтии продолжили как законодательные, так и философские касающиеся гражданства традиции довоенного времени, и в целом их законы о натурализации формируют их как “однообщинные” национальные государства» (Kalev 2006: 24).

«Переживание» социально-психологического шока новоиспеченным национальным меньшинством усугублялось и тем, что после обретения независимости в Эстонии стал доминировать взгляд на большинство русскоязычных не как на историческое национальное меньшинство, а как на наследие советской оккупации, в отношении которого неприемлем подход с точки зрения общепринятых прав меньшинства*. И. Розенфельд пишет: «Эта идеология включает ряд компонентов, в том числе жесткую ориентацию на Запад, борьбу с “коммунизмом”, оценку советского периода как “оккупации”, приравнивание последней к оккупации Эстонии Третьим Рейхом, устранение всего советского (политика “очистка площадки”), теорию воссоздания, как правило, идеализированной первой Эстонской республики. В качестве главного противника новых постсоветских стран правонациональная идеология определяет Россию, а также русское и русскоязычное население этих стран» (Розенфельд 2009: 22). Также стоит здесь отметить, что в Эстонии

* Забегая вперед, отметим, что в настоящее время национальным меньшинством могут называться только люди, проживающие на территории Эстонии в четвертом поколении (т. е. только староверы Причудья, которые составляют около 4 % населения). Остальные же являются иммигрантами и, соответственно, не имеют прав национальных меньшинств. Таким образом, идет подмена понятий — «коренное население» и «национальное меньшинство» (см. об этом: Петухова 2010). Сегодня введен новый термин для обозначения русскоязычной группы населения Эстонии — «русские эстоноземельцы».

национальная идентичность используется политической элитой как инструмент для политической «мобилизации» общества. Ведь национальная составляющая позволяет гораздо быстрее мобилизовать определенные социальные группы, и отсюда возникает соблазн использовать национальный компонент вместо сосредоточения внимания на реальных социально-экономических проблемах (см. об этом: Rand 2010).

Таким образом, новое независимое государство пошло по пути построения этнонационального государства, исключив из гражданско-политического сообщества, т. е. из нации, от 30 до 40 % своего населения*. Позже при любом удобном случае будут упоминать строку из Конституции ЭР о том, что целью Эстонского государства является сохранение эстонского языка и культуры. Однако уточним, что перед этим есть еще две цели — чтобы людям было хорошо и комфортно жить в Эстонии и чтобы все были равны. Об этом же зачастую не вспоминают.

За два десятилетия независимости уже успело вырасти новое поколение русских, которое считает Эстонскую республику своей родиной, многие из этих людей свободно владеют не только эстонским, но и английским языком, имеют высшее образование. Однако большинство молодых людей, как и их родители, так и не смогли полностью интегрироваться в эстонское общество. Так, эстонское общество сегодня всерьез обеспокоилось (конечно, если не брать националистически-ориентированные слои) массовым оттоком молодых людей за границу. Причем если еще пару лет назад эта тенденция была характерна лишь для русскоязычной молодежи, не владеющей эстонским языком на уровне, необходимом для трудоустройства, то сегодня уезжают и русские молодые люди с высшим образованием и знанием эстонского языка. Более того, уезжают и сами молодые эстонцы, считая, что Эстония довольно бесперспективна в плане развития социального сектора, повышения качества жизни.

О крахе интеграционной программы Эстонии впервые заговорили после так называемых бронзовых событий, связанных с переносом Монумента павшим во Второй мировой войне**, позже получившего из-

* В 1991 г. на территории бывших республик Прибалтики оказались 1 млн. 726 тыс. этнических русских. Во всех трех вновь образованных странах русское меньшинство оказалось второй по величине этнической группой после коренного этноса. В Латвии численность русских составляла 34 % населения страны, в Эстонии — 30 %, в Литве — колебалась в районе 9,4 %. См.: (Тишков 1994: 89).

** Памятник Воину-освободителю Таллина от немецко-фашистских захватчиков был открыт 22 сентября 1947 г. в центре города на холме Тынисмяги. С 1995 г. памятник получил новое название — «Монумент Павшим во Второй мировой войне».

вестность как «Бронзовый солдат». Известно, что в протестных акциях апреля 2007 г. приняли участие в основном русские молодые люди. На вопрос, почему именно молодежь, можно ответить, что молодому поколению нечего терять, ведь когда человек уже обложен какими-то обязательствами, он не настолько мобилен, он не будет принимать активно участие в чем-либо, в то время как молодежь всегда является наиболее реактивной группой, которая первая может где-то появиться. Также необходимо отметить, что русскоязычная молодежь — это второе поколение, которое чувствует больше причастности к социально-политической жизни в Эстонской республике. К тому же следует учитывать социальный контекст: параллельно проводились школьные реформы, всячески разрабатывалась тематика перехода русских школ на эстонский язык обучения, что также привело к «накоплению» недовольства молодых людей. Однако большинство социологов видят причину именно в крахе интеграционной программы.

Интеграционная программа Эстонии

Согласно данному на официальном сайте министерства образования и науки ЭР определению, термин «интеграция» означает дружественное и безопасное сосуществование, основанное на взаимном признании и уважении представителей различных групп общества. Рассмотрим основные шаги реализации этой цели в программе интеграции и этапы ее разработки. Итак, в начале 1950-х гг. почти полмиллиона русскоговорящих иммигрантов поселилось в Эстонии (Lauristin, Heidmets 2002: 21). После распада Советского Союза, как уже было сказано выше, социальная политика ЭР была направлена на «выживание советского наследия» в лице русскоязычного населения нового независимого государства. Лишь к середине 1990-х гг. для эстонской политической элиты стало ясно, что большинство русских ни при каком давлении на них не хочет возвращаться в Россию.* Это поставило новую задачу для руководства — необходимость поиска новых подходов к решению проблемы этнических меньшинств, тем более что встал вопрос о принятии Эстонии в Евросоюз. Началась разработка государственной интеграционной программы, где предпринимается попытка ухода от этнического к граж-

* В 1994 г. бывший тогда министром народонаселения Пеэтер Олеск заявил, что «многим неэстонцам придется уехать из Эстонии, потому что они не станут носителями эстонского языка». Русские в Эстонии рассматривались в качестве нежелательного элемента в государственной машине и, по мысли создателей эстонского государства, должны были переехать в Россию или полностью ассимилироваться, потеряв свой язык, обычаи и культуру.

данскому обществу (см. об этом: Demuth 2000). В 1999 г. в Эстонии была принята первая краткая интеграционная программа, за ней последовала более детальная — «Интеграция в эстонское общество в 2000—2007 гг.», которая имела своей основной целью изучение национальными меньшинствами эстонского языка. Ограничение русских только собственным языком могло вызывать, по мнению эстонской власти, их политическую сепаратизацию. Поэтому знание языка русскими стало условием получения гражданства республики (Арутюнян 2003: 71). Цели в программе были разделены на языково-коммуникативные, политико-правовые и социально-экономические, однако, как отмечают критики (Полещук 2002: 120), проблемам социально-экономической интеграции практически не уделялось никакого внимания. Что же касается языково-коммуникативного направления, то на практике оно концентрировалось на уменьшении доли образования на русском языке (Симонян 2006: 73). Так, система образования рассматривается как один из ключевых факторов процесса интеграции. С одной стороны, улучшается знание языка участников процесса интеграции, с другой же — через обучение языку регулируется социализация и создается привычка к сосуществованию двух культур (Разноликий Таллинн 2009: 344).

По мнению эстонского социолога И. Петтай, очень важный момент, которому в первой программе интеграции вообще не уделили внимания, — идентичность людей. Создатели не подумали, что для человека крайне важно не потерять корни. Исследование, проведенное социологом, показало, что идентичность у русскоязычного населения в Эстонии крайне слаба, национальная идентичность скорее становится обузой (Ирис Петтай 2007).

Почему же языковой фактор так важен для эстонцев и является определяющим фактором принадлежности к эстонскому обществу? Здесь необходимо обратиться к вопросу формирования эстонской нации как таковой. Эпоха национального пробуждения эстонцев, процесс самосознания себя как нации произошел всего за несколько десятилетий XIX в. До этого времени «эстонцами», т. е. жителями Эстляндии, себя называли местные т. н. остзейские немцы, желающие подчеркнуть свое отличие от пруссаков, саксонцев или баварцев. Предки же нынешних эстонцев, сумевшие подняться по социальной лестнице, напротив, всячески стремились себя выдать за немцев. Таким образом, формирование нации происходило в исторических условиях власти иностранных империй, а не национальных государств, осознание себя как нации шло не посредством политики, а посредством культуры и языка. В этом состоит отличие самосознания эстонцев и «старых европейцев», национальная самоидентификация которых зиждется на основе государствен-

ности. Поэтому главное для европейцев — проживание на территории государства, наличие паспорта гражданина страны, а не языковой принцип.

У эстонцев, напротив, языковой фактор стал решающим и определяющим в системе отношений «Мы» — «Они». Более того, финно-угорские языки относятся к числу наиболее архаичных, что придает эстонскому языку в глазах эстонцев дополнительную ценность и гордость за его сохранение. Между тем, по мнению ученых, сохранению эстонского языка на протяжении семи веков иноземного владычества способствовали два фактора: отсутствие в средневековой Ливонии немецкого крестьянства (иноземцы жили в городах, не смешиваясь с местным населением) и отсутствие у властей Ливонии целенаправленной языковой политики, которой в Средние века не уделяли никакого внимания.

Однако вернемся к проблемам современной интеграционной политики.

После вступления Эстонии в Евросоюз правительству пришлось координировать свои действия и решения с европейскими нормами. Была разработана новая программа интеграции «Эстонская программа интеграции 2008—2013»*, согласно которой в основу интеграции положены следующие принципы:

- приверженность основным европейским ценностям;
- эстонский язык как основной язык общения в общественной сфере;
- укрепление государственной идентичности («Цель интеграции — укрепление единой государственной идентичности Эстонии, развитие у постоянных жителей Эстонии общего понимания государства, основанного на конституционных ценностях Эстонии, как демократического правового государства, на достоинстве быть гражданином Эстонии, признании вклада каждого в развитие общества и признании культурных различий»);
- участие всех жителей в развитии общества;
- равные возможности;
- предотвращение национальной обособленности;
- интеграция как процесс, начинающийся с отдельной личности и охватывающий все общество (Проблемы прав национальных меньшинств в Латвии и Эстонии 2009: 114).

* Эстонская программа интеграции 2008-2013 была утверждена постановлением Правительства Республики №172 от 10.04.08 [Таллин, 2009]. Опубликована на сайте: www.rahvastikuminiister.ee

Однако ни один из экспертов в Эстонии сегодня не верит в успешность интеграционного процесса. Исследователи полагают, что программа интеграции прежде всего должна быть направлена на эстонцев, т. к. русские Эстонии сегодня гораздо более толерантны и лояльны. По мнению социолога И. Петтай, главная проблема здесь заключается в терпимости эстонцев, которая довольно низка (Боимся того, чего не знаем [www.veneportaal.ee]). Также необходимо четко определить это понятие, т. к. для эстонцев интеграция зачастую тождественна понятию ассимиляции. По результатам социологического исследования, опубликованного в статье К. Халлик, видение основных проблем интеграции у эстонцев и у русских действительно различается: по мнению эстонцев, главными аспектами интеграции являются языковые и культурные отношения, что на самом деле подразумевает изучение эстонского языка. Для русских первостепенны политико-правовые, а также социально-экономические проблемы интеграции, и только после этого следует культурное и языковое сближение (Халлик 2006: 23). Это подтверждают и исследования Института Открытого Общества Эстонии, проведенные 10 лет назад, а впоследствии в 2008 г. (Разноликий Таллинн 2009: 300–301). Так, в исследовании 10-летней давности были выявлены 12 основных признаков интегрированности, куда входили и знание государственного языка, и гражданство, и желание связать свое будущее с Эстонией, и интерес к ее истории, традициям и культуре, стремление иметь друзей среди эстонцев, умение работать в эстонском коллективе, отношение к российским и эстонским телеканалам и т. д. Теперь респондентам было предложено выбрать в этом перечне четыре наиболее важных, наиболее существенных критерия. И эстонцы, и русские поставили на первое место эстонский язык. На второе место по важности эстонцы вывели лояльность к эстонскому государству, а русские — возможность связывать свое будущее с Эстонией, лояльность к государству они оставили на 4-м месте, а третье отдали проблемам гражданства. В целом эта иерархия ценностей, это определение наиболее важных и менее существенных критериев говорят прежде всего о том, что людей тревожит, о том, чего им не хватает. И мы видим по данным этого исследования, что русскоязычным людям не хватает чувства родины, в том числе и молодежи, которая владеет языком, имеет эстонское гражданство, но все же не чувствует себя уверенно в этой стране.

Что же касается ориентации русских на Россию, то, как говорит эстонский социолог Иви Проос, они любят Россию виртуальной любовью. Возвращаться туда, жить там не хотят, но всегда сочувствуют ей, одобряют все ее действия, с пониманием относятся к тому, что делает ее правительство.

Марью Лауристин представила в работе «Eesti Inimarengu Aruanne 2007» (Lauristin 2008) индекс интегрированности русскоязычных жителей Эстонии, согласно которому можно выделить четыре основные категории. Индекс разработан на основе следующих признаков:

- гражданство Эстонской республики;
- знание эстонского языка;
- ощущение себя частью эстонского народа (в понимании Конституции);
- частое общение между эстонцами и русскими;
- использование при общении эстонского языка либо обоих языков;
- положительное отношение к переменам, произошедшим в эстонском обществе за последние 15 лет;
- доверие к эстонскому государству.

Так, автор выделяет четыре основные группы:

- 1) неинтегрированные, негативно настроенные по отношению к Эстонии, маргиналы (7,5 %);
- 2) слабо интегрированные (30,9 %);
- 3) средне интегрированные (34,1 %);
- 4) сильно интегрированные (27,5 %).

Неинтегрированные — это в основном лица, не определившиеся с гражданством, или граждане России, попадаются среди них и нелегалы. Этой группой, по мнению Лауристин, необходимо заниматься для обеспечения законопослушности и социальной реабилитации. Хочется заметить, что связь законопослушности, а тем более социальной реабилитации и российского гражданства представляется чрезвычайно удивительной.

Слабо интегрированные — люди, не определившиеся с гражданством, или граждане России, попадаются среди них и граждане Эстонской республики. Они в какой-то степени владеют эстонским языком, есть такие, которые работают вместе с эстонцами. В большинстве своем уровень образования у них невысок, это люди старших возрастов, многие из них проживают на северо-востоке Эстонии. Их проблемы, с точки зрения автора, состоят в том, что они малообеспеченные, слабоинформированные, не особо доверяющие эстонскому государству люди. Необходимо обеспечить их социальную защищенность.

Средне интегрированные в большинстве своем имеют эстонское гражданство, это люди обеспеченные и положительно относящиеся к эстонскому государству. Однако они либо недостаточно владеют эстонским языком и у них нет достаточного общения с эстонцами, либо они хорошо знают язык и обеспечены, но не имеют эстонского граждан-

ства и испытывают отчужденность от эстонского государства (что характерно скорее, на взгляд Лауристин, для Таллинна). Для дальнейшей интеграции средне интегрированные русскоязычные жители Эстонии нуждаются в более разносторонних контактах с государством и эстонцами, в возможности участвовать и самовыражаться.

И, наконец, сильно интегрированные имеют эстонское гражданство, хорошо владеют эстонским языком, контактируют с эстонцами, у них среднее или высшее образование, доходы выше среднего, доверие к государству и положительное отношение к произошедшим переменам. Эти люди проживают в Таллинне и других крупных городах. Они нуждаются в вовлечении в публичную жизнь, в признании и возможности выступать в качестве полноправных партнеров.

Согласно данным социологических исследований, желание русскоязычного населения интегрироваться пошло на убыль в 2007 г. в связи с внутривнутриполитической и внешнеполитической обстановкой в Эстонии. Апрельские события обострили национальные отношения и продемонстрировали определенный кризис интеграции, о чем уже было сказано выше.

Новое поколение в «старых» условиях

Охарактеризовав основные проблемы интеграционных процессов, обратимся непосредственно к объекту анализа — к молодежи. На 1 января 2010 г. в Эстонии процент молодежи от 15 до 29 лет составлял 21,6 % от общей численности населения*.

Как уже отмечалось, в Эстонии уже выросло поколение, которое родилось в независимом, самостоятельном эстонском государстве. По данным социологических исследований, из тех, кому 15–19 лет, лишь 2 % родились за пределами Эстонии. Среди 20–29-летних таких уже больше — 15 %. Из поколения 30–39-летних вне пределов Эстонии родились 25 %. А из тех, кому 40 и больше, лишь каждый третий родился в Эстонии. У каждого второго русскоязычного жителя страны в возрасте до 29 лет в Эстонии родились также отец и мать. Так что речь идет уже о втором поколении живущих в Эстонии. Большинство из них — это граждане Эстонии. Социологические исследования показывают, что самый высокий удельный вес граждан ЭР среди 20–29-летних (82 %). Из тех, кому 15–19 лет, эстонское гражданство имеют 69 %. В массе своей молодые люди владеют эстонским языком уже хорошо или на среднем уровне. Среди 15–39-летних таких — 80–88 %. Молодые русскоязычные

* По данным Департамента статистики ЭР молодежь от 15 до 29 лет составляет 290 138 при общей численности населения 1 340 127 [www.staat.ee].

люди знают, в сущности, три языка: русский, английский и эстонский. Среди 15–19-летних английским на хорошем уровне владеют три четверти молодых людей, из 20–29-летних — половина.

Эстонская молодежь, к сожалению, теряет русский язык. Среди эстонцев, которым сегодня 15–19 лет, русским владеют только 28 %. Сравним со старшим поколением эстонцев. Из тех, кому за 40 и больше, русским владеют 84 %. Эта потеря русского языка может в немалой степени ограничить их конкурентоспособность на рынке труда, что уже начинает сказываться. Тем более что каждый третий человек в Эстонии — русскоязычный, и, не зная русского языка, уже труднее получить место в банке, в системе страхования, в торговле, в гостиничном бизнесе и т. д.

Если брать возрастную категорию до 29 лет, то практически эстонцы и русскоязычные живут примерно одинаково и вполне благополучно в материальном плане. Бедный слой, если можно так выразиться, составляет среди тех, кому от 15 до 29 лет, — 15 %. Это, в сущности, каждый 7-й.

Молодые люди оканчивают школу, вуз, начинают искать работу, сталкиваются с ситуацией на рынке труда и начинают чувствовать, что у них больше барьеров, меньше возможностей, чем у эстонцев. Каждый третий начинает ощущать этот груз проблем.

По данным социологических исследований, русские считают свои возможности на трудоустройство менее благоприятными в сравнении с эстонцами, полагая, что конкуренция с эстонцами требует от них больше усилий и более высокой компетенции. Высокий уровень безработицы и низкие зарплаты свидетельствуют об их исключении в такой сегмент рынка, где есть необходимость в менее высококвалифицированном (дешевом) труде. Уровень безработицы в 2000 г. в возрасте 15–24 лет составил: 19,7 % эстонцев и 30,7 % русскоязычных жителей Эстонии. Если взять более свежие данные, то они рисуют ту же картину: по статистическим данным, у эстонцев зарплата на 30 % выше, чем у русских, в то время как среди последних в два раза выше уровень безработицы. Например, в Таллинне 60–70 % безработных — это русские. На рынке труда русскоязычные чаще занимают позиции обслуживающего персонала и рабочего класса, эстонцы больше работают как «белые воротнички», имеют престижные профессии. По образованию среди русскоязычного населения все меньше и меньше магистрантов, докторантов. Относительно здоровья: дольше живут эстонцы. Русскоязычные женщины намного меньше рожают, у них нет желания рожать детей, много аборт. Ликвидация министерства народонаселения показывает, что государство не хочет видеть эти проблемы, оставляя их на разрешение самим жителям. Однако в таком случае необходимо предо-

ставление информации о возможных путях самостоятельного решения возникших проблем, которой сегодня явно недостаточно.

Безусловно, ключевую роль здесь играет образование. Задача правительства в данной сфере — гарантировать населению Эстонии конкурентоспособность, равные возможности получения образования и развитие науки в Эстонии. Однако еще в 1993 г. эстонские националистически-ориентированные партии выступили с предложением перевести все русскоязычные школы на эстонский язык обучения к 2000 г. В действительности это оказалось довольно трудной задачей (Kreitzberg 2002a: 35). Как уже было сказано, изначально преследовалась цель ассимиляции, а не интеграции: стирание основ русской культуры в сознании русскоязычного населения Эстонии. Ведь обучение на эстонском языке предполагает изучение эстонской, а не русской литературы, эстонской, а не русской истории и т. д.

В период между 1994 и 2000 гг. число русских школ уменьшилось с 117 до 104, число двуязычных школ, ранее широко распространенных в небольших городах, сократилось почти вдвое. В результате количество учащихся в русских школах уменьшилось: в начале 1990-х гг. 37 % детей школьного возраста учились в русских общеобразовательных школах, в 2000 г. этот показатель составлял уже 27 %. Доля детей, поступающих в первый класс в русские школы, сократилась еще более резко: в начале 1990-х гг. 41 % детей (около 9000) начали свое образование в русских школах, в 2000 г. это число уже было ниже на две трети (3000 детей) (Kalmus, Pavelson 2002: 227). По данным опроса «Integratsiooni monitooring 2008» весной 2008 г. пятая часть русскоязычных респондентов сообщила, что училась в основной школе на эстонском языке, и еще немного меньше пятой части детей учились в классах глубокого языкового погружения. На гимназическом уровне чуть меньше десятой части учились в школе или классе с эстонским языком обучения (Annus, Kaner, Kliimask et al. 2005: 62–71).

Обучение на эстонском языке в высших учебных заведениях постепенно возрастает: в 2007 г. уже 52 % выпускников русских школ выбрали дальнейшее образование на эстонском языке обучения. Если говорить об общеобразовательных школах, то, согласно данным Департамента статистики ЭР, на 2007 г. эта цифра составляла 80,1 % по Эстонии и 66,7 % по Таллину.

Все это свидетельствует о том, что высшее образование доступно в Эстонии не всем. Получение хорошего образования и социальная карьера через продвижение в науке или преподавание в престижных университетах является одним из социальных лифтов для сегодняшней молодежи в Эстонии, помимо государственной и военной службы.

В Эстонии ни в один из этих лифтов молодым русским практически не попасть. Возможен выезд в другие страны, но это не альтернатива социальному лифту в своей стране. Таким образом, для русской молодежи, проживающей в Эстонии, социальный лифт отсутствует. В рамках исследования «Integratsiooni monitooring 2008» эстонских и русскоязычных респондентов попросили оценить возможности получения образования в Эстонии (табл. 1). 60 % эстонцев высказали мнение, что в Эстонии у всех есть равные возможности получения образования, невзирая на национальность и язык обучения. Однако более половины русскоязычных опрошенных считают, что у эстонцев лучшие возможности для получения образования, причем это мнение русских жителей, имеющих эстонское гражданство и хорошо владеющих эстонским языком, т. е. фактически ими признается дискриминация по национальному и языковому признаку. Приведем конкретные данные социологических исследований: так, согласно результатам опроса, проведенного Европейским агентством основных прав человека (FRA) 4 февраля 2011 г., 59 % русскоязычных жителей Эстонии чувствуют дискриминацию в своей повседневной жизни (Русские в Эстонии 2011).

Таблица 1

По Вашему мнению, русскоязычные молодые люди имеют равные с эстонскими сверстниками возможности получения высшего образования в Эстонии? (в %)

	Да	Нет	Трудно сказать	Всего
Эстонцы	59	21	20	100
Русскоязычные	24	64	12	100

Что же делается эстонским правительством, чтобы преодолеть социальную депривацию среди русскоязычного населения своей страны, составляющего не менее 30 % от общего числа жителей? 9 июля 2010 г. принимается инициированный правительством Закон об основной школе и гимназии, согласно которому увеличивается доля предметов, обязательных для преподавания на эстонском языке (не менее 60 % учебной программы). Среди них эстонская литература, обществоведение, музыка, история (!) и география Эстонии. В то же время, как показывает исследование, проведенное эстонскими социологами (Институтом открытого общества Эстонии) в 2010 г., 12 % русскоязычных школьников пользуются услугами репетиторов по математике и языкам. Среди эстонских детей аналогичные показатели составляют 2 %. По словам директора института социолога И. Петтай, русские дети также тратят на 2 часа больше времени на дополнительное обучение, чем эс-

тонские сверстники. В 2009 г. средняя оценка на государственных экзаменах была у них на 15 % ниже, чем у сверстников в эстонских гимназиях. В связи с чем сама социолог признает, что решение о переводе более половины предметов на эстонский язык обучения не достаточно продумано (Юрченко 2010). Интересный момент: согласно закону переход на эстонский язык обучения можно отменить в данной конкретной русской школе решением попечительского совета, однако на факте этим правом «вето» воспользовалась только одна школа в Маарду. Более того, многие школы преподают большее количество предметов на государственном языке, нежели это предусмотрено законом. Некоторые исследователи полагают, что это объясняется выплатами по почти четыре с половиной тысячи евро за каждый введенный предмет.

В итоге русские дети, выросшие в Эстонии, не будут знать истории России, что опять-таки подтверждает мысль о замещении понятия «интеграция» понятием «ассимиляция» с потерей культурных корней, с отрывом от национальной истории. В то же время эстонская «Программа развития общеобразовательной системы» на 2007–2013 гг. позиционируется как часть интеграционного процесса в сфере образования. В прописанные задачи преподавания истории и обществоведения входит:

— признание различных толкований прошлого, мировоззрений, культурных особенностей и пр., предупреждение предубеждений и стереотипов;

— уважение прав человека и принципов правового государства;

— умение трактовать противоречивые толкования событий;

— умение критически толковать информацию.

Также через обществоведение планируется изменить отношение русскоязычных жителей Эстонии к сдаче экзамена по гражданству, а также способствовать их терпимости и открытости. Однако отметим, что согласно всем социологическим исследованиям, проведенным после распада Советского Союза, уровень толерантности среди русских гораздо более высок по сравнению с эстонцами: по заявлениям социологов, именно эстонцы не хотят способствовать интеграции русскоязычного населения в свою среду.

Интерес к обучению русскоязычного населения имеет как социально-значимую, так и политическую подоплеку. Во-первых, в условиях снижения уровня рождаемости и растущей конкуренции между учебными заведениями руководители эстонских школ становятся все более заинтересованы в приеме русских детей в эстонские школы. В результате эстонские школы имеют возможность обеспечения «правильной» социализации в мультикультурной социальной среде. Во-вторых, свободная рыночная экономика превратила образование в важнейший

механизм социализации, который производит новый символический капитал. Образование здесь рассматривается как институт изменения социального статуса: он создает стартовую позицию для выхода на рынок труда и продолжение приобретения социальных компетенций (Kalmus, Pavelson 2002: 229). Роль образования в обеспечении качества жизни в настоящее время гораздо более велика, нежели чем у любого другого учреждения (Kreitzberg 2002b: 64). Кальмус и Пальвесон также подчеркивают, что образование является одним из важнейших институтов в процессе межэтнической интеграции. Как процесс и структура, образование производит определенный эффект на общество и личность и вносит свой вклад в их достижения и развитие. Рост уровня образования и модернизации содержания образования ведет к увеличению потенциала человека как активного агента и ускорения инновационных процессов. Таким образом, само образование становится двигателем для дальнейшей модернизации (Kalmus, Pavelson 2002: 229).

Закончить данную статью хотелось бы последними известиями о том, что в рабочей версии текста нового Коалиционного договора правительства Эстонии в перечне основных национальных меньшинств страны русское население даже не упомянуто в блоке будущих действий нового правительства, посвященном вопросам интеграции и развития национальных культур. Отметим, что в тексте договора перечислены евреи, балтийские немцы, эстонские шведы, православные староверы восточной Эстонии и даже ингерманландцы, а русской общины нет, как нет и количественно больших славянских общин Эстонии — украинцев, белорусов и поляков (Русских вычеркнули из списка основных национальностей в Эстонии 2011).

Очевидно, что процесс интеграции в Эстонии еще далек от завершения. Необходимо повышать уровень терпимости эстонской молодежи в Эстонии, воспитывать толерантность для того, чтобы национальность нигде и ни в чем не мешала. Также необходимо принятие дальнейших законодательных мер для стимулирования процесса сокращения «безгражданства» и содействия процессу натурализации, пересмотр существующего законодательства в таких областях, как язык, образование и культура, и приведение эстонских законов в соответствие с действующими международными нормами, защищающими права национальных меньшинств.

Также необходимо поставить вопрос о замещении установившейся модели этнической демократии в Эстонии общественной моделью, которая, в соответствии с концепцией А. Лейпхарта, подразумевает коалиционное осуществление власти лидерами всех значимых сегментов общества, наличие взаимного вето, пропорциональность политическо-

го представительства и назначения на должности, высокую степень автономности каждого сегмента в управлении своими внутренними делами (Лейпхарт 1997). Образцом успешного существования такой модели для Эстонии может выступать Финляндия, в которой программа по интеграции шведов в финское общество разработана на высочайшем уровне. Так, шведы, как правило, владеют финским языком, обучаются в шведских школах и гимназиях, посещают театры на шведском языке, т. е. имеют все возможности оставаться шведами, сохраняя свою культуру. В то же время они имеют право избираться на любые посты органов государственной власти. В финских школах преподают шведский язык, знание которого является обязательным для всех госслужащих, т. к. он выступает вторым государственным языком. И это все при том, что шведы составляют всего 6% населения Финляндии. Перспективы приобретения русским языком статуса второго государственного языка в Эстонии, конечно, нет, однако положительный опыт соседней страны в разработке очередной интеграционной программы необходимо учитывать.

Литература

Арутюнян Ю.В. Трансформация постсоветских наций: По материалам этносоциологических исследований. М.: Наука, 2003.

Боимся того, чего не знаем... // Молодежь Эстонии. [<http://www.veneportaal.ee/zk/ktozk/kto21.htm>].

Головин Н.А., Есенгараев Е.Ж. Политическая социализация в постсоветском обществе. Хрестоматия. Караганда, 2003.

Ирис Петтай: апрель — серьезная рана. 26 ноября 2007 г. [<http://rus.delfi.ee/projects/opinion/article.php?id=17539606>].

Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997.

Петухова Е. Демограф: русское национальное меньшинство — это около 4% // rus.DELFI.ee. 16 июля 2010.

Полещук В. Положение меньшинств в Эстонии: правовые аспекты // Диаспоры. 2002. № 3.

Проблемы прав национальных меньшинств в Латвии и Эстонии / Ред. В.В. Полещук. М.: ФИП, «Русская панорама», 2009.

Разноликий Таллинн. Статистико-социологический обзор / Сост. Т. Райтвийр. Таллинн: Институт открытого общества Эстонии, 2009.

Розенфельд И. Эстония до и после «бронзовой ночи». Тарту: «Крипта», 2009.

Русская молодежь Эстонии: положение и ожидания нового поколения // Молодежь Эстонии. 11 сентября 2008 г. [<http://www.moles.ee/08/Sep/11/6-1.php>].

Русские в Эстонии чувствуют себя более ущемленными, чем в других странах Балтии // Информационный портал «Eesti Rahvusringhääling» (ERR). 4 февраля 2011 г. [<http://rus.err.ee/estonia/b7c8a933-0de2-49ad-ab02-67499a57e911>].

Русских вычеркнули из списка основных нацменьшинств в Эстонии // ИА REGNUM. 30 марта 2011. [<http://www.regnum.ru/news/polit/1389319.html#ixzz1J8pLX0X9>].

Симомян Р.Х. Апатриды в центре Европы. Как это случилось? // Власть. 2006. № 9.

Тишков В.А. Русские как меньшинство. Пример Эстонии // Эстония: контуры этнополитической эволюции 1988–1992. М., 1994. Т. 1.

Халлик К. Множественность гражданства и самоопределение в эстонском обществе // Эстония: межэтнические отношения и проблема дискриминации в Таллинне. Таллинн: Центр информации по правам человека, 2006.

Юрченко И. Социологи: русскоязычным детям трудно учиться в Эстонии // Комсомольская правда. 28 февраля 2010 г. [<http://kp.ru/online/news/840029>].

Annus T., Kanep H., Kliimask J., Noorkõiv R., Paabut A., Paulus A. Üldhariduskoolide võrgu korraldamine. Lõpparuanne (Организация сети общеобразовательных школ. Итоговый отчет). Poliitikauuringute Keskus Praxis, tellija Haridus- ja Teadusministeerium, 2005.

Demuth A. Politics, migration and minorities in independent and Soviet Estonia, 1918–1998. Osnabrück Universität, 2000.

Lauristin M., Heidmets M. Introduction: The Russian Minority in Estonia as a Theoretical and Political Issue // Lauristin M., Heidmets M. (eds.). The Challenge of the Russian Minority. Emerging Multicultural Democracy in Estonia. Tartu: Tartu University Press, 2002.

Lauristin M. Eesti ühiskonna valmisolek lõimumiseks (Готовность эстонского общества к интеграции). Eesti Inimarengu Aruanne 2007. Eesti Koostöö Kogu. Tallinn, 2008. L. 83–86.

Leino M., Veisson M. and others. New Identity of Russian Speaking Children in Estonian Society // Social work and society. 2006. Vol. 4. No. 1.

Kalev L. Multiple and European Union Citizenship as Challenges to Estonian Citizenship Policies: Abstract. Tallinn, 2006.

Kalmus V., Pavelson M. Schools in Estonia as Institutional Actors and as a Field of Socialisation // Lauristin M., Heidmets M. (eds.). The Challenge of the Russian Minority: Emerging Multicultural Democracy in Estonia. Tartu: Tartu University Press, 2002. Pp. 227–236.

Kreitzberg P. Organizational dilemmas of Estonian education in 2001 // Lebed K., Kala U., Läänemets U. (eds.). Competing for the future: education in contemporary societies. Tallinn TPÜ Kirjastus: OÜ VALI PRESS, 2002a. Pp. 28–38.

Kreitzberg P. Quality of life and Education // Priimägi S., Sarv E.S. (eds.). The opening world: changing educational environment and teacher training. Tallinn TPÜ Kirjastus: OÜ VALI PRESS, 2002b. Pp. 64–69.

Rand A. Kui demokraatlik on Eesti poliitiline kultuur? (Насколько демократична эстонская политическая культура?) 25 февраля 2010 г. [<http://www.meiemaa.ee/index.php?content=artiklid&sub=2&artid=34694>].

Tammeste H. Noored Eestis. Tallinn: Statistikaamet, 2001